

УДК 327.7

США И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АТР

© 2013 г. **А.Н. Панов***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются попытки США интенсифицировать своё дипломатическое и военное присутствие в АТР. В частности, рассматриваются перспективы реализации американского интеграционного проекта, известного как Транстихоокеанское партнёрство, направленного против возвышения Китая в регионе.

Ключевые слова: *экономическая интеграция, АТР, США, Транстихоокеанское партнёрство, военное присутствие, противодействие Китаю.*

Глобализация и собственное экономическое развитие серьёзно ускорили в начале XXI века процессы взаимозависимости экономик азиатско-тихоокеанских государств. Соответственно активизировалась заинтересованность в формировании региональной архитектуры торгово-экономических отношений, которая способствовала бы гармонизации экономических интересов стран региона на основе разработки общеприемлемых принципов и правил ведения торгово-деловой активности и в конечном счёте стимулировала бы дальнейший экономический рост как в каждой отдельно взятой стране, так и в АТР в целом.

Понимание важности и даже необходимости выработки общих подходов к экономической деятельности в регионе появилось в 60-е годы XX века. Однако только в ноябре 1989 г. был образован форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), который объединил на межправительственном уровне первоначально 12 стран АТР, а впоследствии практически все «экономики» региона (такой формат потребовался для подключения к форуму Тайваня).

Вашингтон первоначально оценивал интеграционные процессы в АТР двояко. Прежде всего, делался вывод о неизбежности стремления стран региона к выработке общих форм и правил торгово-экономического взаимодействия и соответственно о необходимости США участвовать и контролировать движение к экономической интеграции в АТР.

* ПАНОВ Александр Николаевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН. E-mail: Taishi@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Россия и США: сопоставление с основными центрами силы в многополярной системе международных отношений» № 12-03-00640/а/.

Во-вторых, большинство прогнозов американских экспертов сходилось на том, что процессы экономического объединения азиатско-тихоокеанских стран в силу их существенных различий в уровнях политического, экономического и социального развития могут занять весьма продолжительный период времени, а потому США следует участвовать в форуме АТЭС, но особой активности не проявлять. Одновременно надо США жёстко реагировать на любые попытки формировать в регионе экономические структуры без участия Вашингтона или против американских интересов.

Когда в 1989 г. премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад предложил создать Восточноазиатский экономический совет, не включающий США, Вашингтон использовал все возможности для того, чтобы эта идея не реализовалась. В 1999 г. Вашингтон выступил против японского предложения создать Азиатский МВФ, усмотрев в этом возможность того, что его присутствие в этом органе не будет определяющим.

В целом Вашингтон вплоть до начала XXI века проявлял мало интереса как к выдвижению собственных инициатив по формированию региональных экономических структур, так и к поощрению стран АТР действовать в этом направлении.

С приходом в Белый дом администрации президента Дж. Буша-мл. Вашингтон стал уделять больше внимания Азиатско-Тихоокеанскому региону, не в последнюю очередь учитывая начавшийся после регионального экономического кризиса 1997–1998 гг. быстрый рост экономики АТР и усиление на его основе тенденций к интеграционным процессам.

Региональные государства, прежде всего члены АСЕАН, в результате взрывного роста объёмов региональной торговли и инвестиций, начали осознавать необходимость формирования эффективных многосторонних региональных политических и экономических структур при одновременном обеспечении национальной самостоятельности и безопасности. Такой подход в немалой степени подпитывался озабоченностями по поводу неопределённости будущей ситуации в связи с резким возвышением Китая и относительным ослаблением политических, экономических и военных обязательств США в регионе.

Как отмечают американские исследователи, «многие азиатские руководители рассматривают институализацию региональных процессов как возможность более успешно справляться с общими для них внутренними вызовами и укреплять национальный суверенитет, а не делиться им». В этом поиске, по их мнению, заключается суть нового азиатского регионализма. Что касается отношений с США, то «они, как указывается, представляют собой извечную головоломку для азиатов, которые никогда полностью не уверены в американских обязательствах» [5].

Администрация Обамы заняла в отношении многосторонних экономических форумов в АТР ещё более активную позицию, демонстрируя готовность Вашингтона полностью подключиться к политическим, культурным и экономическим процессам, а также к проблематике обеспечения безопасности в регионе.

Концептуально новый подход Вашингтона к АТР сформировался уже к концу первого срока пребывания Б. Обамы у власти и был изложен им в ходе выступления в ноябре 2011 г. в парламенте Австралии.

Излагая новую стратегию США в АТР, американский президент выделил два основных направления. Это, во-первых, усиление американского политического и военного присутствия в регионе. Во-вторых, это активизация американской роли в продвижении идеи «Совместного процветания» посредством расширения транстихоокеанской торговли и экономической либерализации, используя в первую очередь Транстихоокеанское партнёрство (ТТП).

Следует отметить, что США обратили внимание на ТТП ещё во времена администрации Дж. Буша-старшего.

С приходом к власти администрации Клинтона началась активная поддержка Транстихоокеанского стратегического экономического партнёрства (ТТСЭП) в качестве одного из ключевых элементов вовлечения США в экономические процессы в АТР. Вашингтон провёл восемь раундов переговоров по выработке нового соглашения взамен первоначального, разработанного «четвёркой», и предложил расширить состав, пригласив к участию в соглашении Австралию, Вьетнам, Малайзию, Новую Зеландию, Перу. Ныне в переговорном процессе по разработке нового соглашения участвуют девять государств, а сама создаваемая структура именуется как Транстихоокеанское партнёрство.

В конце пребывания у власти президента Дж. Буша-мл. Вашингтон с целью укрепления экономических позиций США в АТР принял решение начать переговоры о присоединении к ТТСЭП, которое было сформировано в мае 2006 г. «тихоокеанской четвёркой» – Сингапуром, Брунеем, Новой Зеландией и Чили. Однако каких-либо конкретных переговоров о подключении США к ТТСЭП до того, как Дж. Буш-мл. покинул Белый дом, не последовало.

Уже согласованные положения ТТП включают полную ликвидацию в течение 10 лет после вступления соответствующих соглашений таможенных пошлин, общие правила происхождения товаров, унификацию санитарных и фитосанитарных мер и других технических барьеров; общую политику в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, правительственных закупок и конкурентной политики; либерализацию большинства секторов услуг.

Важнейшая особенность ТТП заключается в том, что страны-участницы берут взаимные обязательства, т.е. это ограничивает возможности сторон по национальному регулированию отдельных сфер (например, здравоохранение, сельское хозяйство).

Причины внимания США к запуску механизма ТТП кроются не только в стремлении обеспечить беспрепятственный допуск американских товаров на азиатско-тихоокеанские рынки, но и обогнать процесс создания региональной зоны свободной торговли, подключиться к которому США опоздали.

У США нет соглашения о свободной торговле с АСЕАН. А доля американской торговли со странами – членами АСЕАН стабильно составляет всего около 5% всей внешней торговли США (порядка 180 млрд. долл.). За последние 15 лет количество соглашений о свободной торговле в АТР выросло с шести до более чем 70, и в настоящее время ведутся переговоры о заключении ещё 80 подобных соглашений.

США в значительной степени оставались вне этих соглашений и не проявляли активности к их заключению или же действовали крайне медленно. Во многом именно по этой причине, как считают американские аналитики, американский экспорт в страны АТР в последние годы снижался, и ныне самым

большим торговым партнёром почти всех региональных государств является Китай, а не США. Без соглашений о свободной торговле США всё более теряли свою способность влиять на развитие экономических процессов в регионе.

Вашингтон заключил соглашения о свободной торговле с 18 странами, но только три из них находятся в АТР (Австралия, Сингапур, Республика Корея). Причём Соглашение о свободной торговле с Сеулом начало разрабатываться администрацией президента Дж. Буша-мл., а вступило в силу, и не без проблем, лишь во время правления президента Б. Обамы.

В США существует серьёзная внутренняя оппозиция заключению соглашений о свободной торговле на том основании, что они, по достаточно распространённому мнению, не отвечают их интересам, т.е. не дают американским товарам особых преимуществ на внешних рынках, тогда как открывают американский рынок для дешёвых товаров из «развивающихся стран» АТР.

С другой стороны, присутствует мнение о том, что экономическое влияние США в регионе будет в силу объективных обстоятельств – экономического роста стран АТР – постепенно уменьшаться, даже если США уделят больше внимания вовлечению в азиатско-тихоокеанские экономические дела, в том числе через соглашения о свободной торговле [8, p. 140].

В США распространены выводы и о том, что различные многосторонние и региональные соглашения о свободной торговле, которые в последнее время стали быстро распространяться в АТР будут наносить всё больший ущерб экономическим позициям США в регионе, окажут негативное воздействие на американскую экономику, а в конечном счёте подорвут желание и способность Вашингтона сохранять на высоком уровне политические и военные обязательства в регионе [5].

Но главное, что беспокоит США – это «китайский фактор». При этом указывается на то, что Пекин уже использует тенденцию к большей экономической интеграции с тем, чтобы поощрить формирование многосторонних политических и экономических отношений и структур, которые ослабляли бы США и в целом вели бы к устранению американского влияния на азиатские дела.

Ряд американских аналитиков обращает внимание на то, что Китай проводит политику оказания экономической помощи и заключает экономические соглашения с региональными странами, например, Соглашение Китай – АСЕАН о свободной торговле, на основе гибких договорённостей. В то же время США поддерживают заключение соглашений о международной экономической помощи и торговле на основе жёстко определённых положений ВТО, Всемирного банка, Международного валютного фонда. Кроме того, Пекин последовательно поддерживает создание Восточноазиатского валютного фонда в качестве ответа на глобальную экономическую рецессию, что рассматривается также как попытка продвижения более гибкой финансовой альтернативы возглавляемому США Международному валютному фонду, а также для завоевания более влиятельных китайских позиций при решении региональных финансовых проблем [3].

При этом многие аналитики в США и странах АТР пришли к заключению о том, что большая региональная интеграция будет работать на пользу Китаю, а не США, но с помощью ТТП Вашингтон сможет восстановить потерянные позиции в АТР и сдерживать китайские амбиции [8, p. 141].

Председатель Финансовой комиссии Сената Макс Баукус, объясняя значение ТТП для США, сделал акцент на том, что это соглашение представляет собой «окно возможности для американского экспорта с целью обеспечить новых потребителей на рынках по всему Тихому океану... «Посредством ТТП, – подчеркнул он, – мы сможем побудить наших торговых партнёров играть по правилам и открыть их рынки для американского экспорта» [6, 18.08.2012].

Но другие представители стороны, в американской политической и деловой элиты считают преждевременной тревогу по поводу китайского экономического наступления в АТР, в том числе и по причине того, что Международный валютный фонд и ВТО по-прежнему сохраняют свою роль ключевых финансово-торговых институтов по противодействию международным финансовым кризисам и по продвижению свободной торговли. А Китай, в том числе с помощью заключения соглашений о свободной торговле со странами АТР, вряд ли сможет значительно увеличить своё влияние в регионе, особенно за счёт США [8, p. 141].

Тем не менее, помимо форсирования усилий по формированию ТТП, США начали уделять внимание и заключению двусторонних соглашений о свободной торговле. В 2006 г. Вашингтон подписал рамочное соглашение о торговле и инвестициях с АСЕАН, а также соглашения о свободной торговле с Республикой Корея, Колумбией и Панамой. Однако ратификация этих соглашений состоялась только спустя пять лет.

Демократы, имевшие большинство в Конгрессе с 2006 г., затягивали одобрение этих соглашений, утверждая, что их реализация приведёт к потере не менее 160 тысяч рабочих мест.

Президент Б. Обама после прихода в Белый дом не сразу решился добиваться ратификации соглашений о свободе торговли. Однако сторонники этих соглашений убедили его в том, что их реализация будет способствовать росту ВВП, увеличению экспорта, а неизбежный отказ от и без того находящихся в упадке отраслей экономики можно компенсировать при изменении торговой политики за счёт задействования средств Фонда помощи, через который оказывается поддержка рабочим, которые лишаются рабочих мест вследствие закрытия предприятий из-за потери конкурентоспособности в результате наступления зарубежных производителей.

Из упомянутых трёх соглашений наиболее значимо соглашение с Республикой Корея, занимающей 11-ое место в мировом экономическом рейтинге. Согласно этому соглашению к 2016 г. будут устранены тарифы на 95% взаимной торговли. Предполагается, что ВВП США сможет в результате этого вырасти на 10–12 млрд. долл., а ВВП РК увеличится на 2% [6, 24.10.2011].

Очевидно, что соглашение ещё более тесно привяжет экономику РК к американскому рынку, а это, в свою очередь, сделает для Сеула менее привлекательным рынок китайский. Для Вашингтона важно, что это соглашение вовлекает РК в ТТП, и с его вступлением в силу объём корейской торговли со странами – участницами ТТП будет составлять около 36% всей внешней торговли Республики Корея.

Если к ТТП присоединятся Япония, Мексика и Канада, которые заявили о намерениях провести соответствующие переговоры, доля этого образования в мировом экспорте возрастет с 15% до 24%, что может привлечь в его ряды но-

вых участников. Однако подключение вышеуказанной тройки к ТТП идёт с большими сложностями и, судя по всему, займёт немало времени.

Концепция ТТП, предусматривающая глубокое комплексное регулирование торгово-экономической деятельности и весьма жёсткие условия вхождения в эту организацию, отпугивают многие малые и средние страны АТР, которые заинтересованы в защите своего сельского хозяйства и других малоконкурентоспособных отраслей своей экономики.

Тем не менее, Эрнст Бувер, директор программ Юго-Восточной Азии Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований полагает, что, хотя азиатские страны «хотят торговать с Китаем и получать инвестиции и низкопроцентные займы для инфраструктурных проектов, они не хотят подпасть под доминирование Китая в торговой и экономической сферах». Потому, отмечает он, предлагаемая США альтернатива китаецентричному экономическому будущему АТР, может стать привлекательной. Вместе с тем Бувер признаёт, что пока неизвестно, соберёт ли американская альтернатива достаточное количество региональных государств, поскольку в регионе существуют сомнения относительно того, хватит ли у США экономических сил и политической воли реализовать свою идею [6, 24.11.2011].

Государства – члены АСЕАН на протяжении многих лет, фактически с момента создания организации, размышляли о возможных формах интеграции своей экономической деятельности. Тенденцию к экономическому взаимодействию и взаимопомощи подтолкнул азиатский финансовый кризис. С 1997 г. асеановские страны начали проводить саммиты в формате АСЕАН +3 (Китай, Япония, Республика Корея). В рамках этой структуры была одобрена «Чианг-майская инициатива», согласно которой центральные банки 13 стран АТР могут обмениваться резервами в случае чрезвычайных обстоятельств. В целях укрепления сотрудничества 13 стран стали проводить регулярные совещания министров финансов, а также организовывать встречи экспертов по отдельным проблемам. В 2011 г. создана Организация макроэкономических исследований АСЕАН +3. Таким образом, начался процесс более глубокого финансового сотрудничества восточноазиатских стран.

Первого января 2002 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН (АФТА), по которому Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд договорились о снижении (на 0–5%) тарифов на 35% номенклатуры импортируемых товаров.

Кризис, начавшийся в США в 2008 г., ещё более убедил восточноазиатские страны в обоснованности их курса на то, чтобы в более широких масштабах использовать местные валюты и не полагаться на доллар. Вместе с тем, традиционная для асеановских стран осторожность и медлительность всё ещё не позволяют им создать механизм гармонизации регионального обмена курсов. Асеановцы опасаются, что координация обменных курсов может привести к определённому ограничению их суверенитета в финансовой политике. Тем не менее, шаг за шагом асеановцы продвигаются к большей взаимной открытости и тесному экономическому взаимодействию. Опасаясь возможного доминирования в экономических отношениях в АТР Соединённых Штатов с их радикальной концепцией открытия рынков, асеановцы на своем саммите в ноябре 2011 г. по-

ставили задачу сформировать после 2013 г. региональную зону свободной торговли АСЕАН +6 (Китай, Япония, РК, Индия, Австралия и Новая Зеландия).

Пекин умело использует свои экономические возможности для обеспечения главенствующих позиций в регионе. Китай, подобно огромному пылесосу, всасывает экспорт из стран АТР, особенно из ЮВА. Согласно исследованиям, рост потребления в Китае на 10% приводит к увеличению японского экспорта на 5,4% [6, 07.04.2007].

Задача Китая, как её видят многие американские и японские исследователи, состоит в том чтобы создать «вертикальную структуру», интегрировав страны АСЕАН и другие региональные государства в свой внутренний рынок.

Китай негативно воспринимает идею формирования ТТП, подчёркивая, что новый механизм сотрудничества с целью заменить уже существующие соглашения может нанести серьёзный ущерб Восточной Азии и глобальной экономике. Однако для Пекина главное не это. В китайском политическом и деловом сообществе превалирует мнение о том, что США намерены не допустить членства Китая в ТТП. Не случайно, заявляется, что «любое азиатское сотрудничество без Пекина не будет иметь смысла» [2].

Китай выстраивает свою систему торгово-экономических отношений в АТР, приспособляя её под нужды своего экономического развития. В этой системе, как полагают в Вашингтоне, для США либо нет места, либо им отводится второстепенная роль. С начала нового века Китай стал главным экономическим партнёром для двух ключевых союзников США в АТР – Японии и Республики Корея. Весьма неприятной для Вашингтона стала китайско-японская договорённость в декабре 2011 г. о том, что торговля между Китаем и Японией будет осуществляться не в долларах, а в иенах и юанях. И уже в июне 2012 г. в Шанхае и Токио начали заключаться сделки в национальных валютах.

С 1 января 2010 г. действует соглашение между Китаем и АСЕАН о совместной зоне свободной торговли, которая охватывает страны с общим населением почти 2 млрд. человек.

Расчёты США на то, чтобы создать альтернативу «китаецентричной архитектуре экономической интеграции» в АТР с помощью ТТП, могут оказаться малосостоятельными без участия третьей по объёму мировой экономики – Японии. Объём взаимного товарооборота 9 стран – участниц процесса формирования ТТП составляют всего 171 млрд. долл., что выглядит более чем скромно на фоне торговых оборотов США с Китаем и Японией. При нынешнем составе ТТП на страны-участницы приходится только 6% американской внешней торговли, примерно столько же, сколько на одну Японию. Япония является главным импортёром американских товаров и услуг, дорогой высокотехнологической продукции – реактивных двигателей, станков с программным управлением, биотехнологических продуктов.

Потому Вашингтон увеличивает давление на Токио с тем, чтобы побудить японцев начать переговоры о присоединении к ТТП. В марте 2013 г. премьер-министр Японии С. Абэ объявил о готовности начать переговоры о присоединении к ТТП.

В политических и экономических кругах Японии, особенно связанных с сельскохозяйственным сектором, быстро набрали силу настроения против участия в ТТП. В апреле 2012 г. 321 депутат японского парламента выступил про-

тив вступления страны в ТТП, мотивируя свою позицию необходимостью защиты отечественного сельхозпроизводства, системы медицинского обслуживания, страхования здоровья, а в конечном счёте важности сохранения национальной идентичности Японии.

Подсчитано, что если будут устранены тарифы на импорт продовольственных товаров, то самообеспеченность Японии продуктами питания уменьшается с нынешних 39% до 14%, и это создаст, по мнению ряда японских политиков, неприемлемую ситуацию с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Кроме того, не исключается, что серьёзно снизятся стандарты качества, предъявляемые к продовольственным товарам [6, 22.03.2012].

С другой стороны, японские сторонники подключения к процессу формирования ТТП выдвигают ряд аргументов, свидетельствующих, по их мнению, о выгоды этого шага для Японии.

Во-первых, участвуя в переговорах на нынешней стадии, когда не все положения будущих соглашений в рамках ТТП согласованы, Япония получит возможность добиваться более выгодных для себя условий ведения торговой деятельности. Если же Япония «запоздает», то ей придётся соглашаться с теми условиями, которые ей предъявят «первоначальные члены» ТТП.

Один из ведущих японских экономистов Каваи Масахиро считает, что, если Япония начнёт переговоры о присоединении к ТТП на ранней стадии, это поможет ей отстоять свои интересы, в том числе кооперируясь со странами, имеющими общие с Токио позиции по ряду важных направлений. В числе таких партнёров, по его мнению, может стать Новая Зеландия, которая также как и Япония заинтересована сохранить систему здравоохранения, обеспечивающую доступ к медицинскому обслуживанию без каких-либо ограничений, а цены на лекарства и лечение устанавливаются правительством. Иными словами, рыночные принципы на медицинский сектор в этих странах не распространяются [6, 19.11.2011].

Во-вторых, без участия в ТТП ряд важных отраслей японской экономики, находясь в «тепличных условиях», будет терять конкурентоспособность, будет вынужден ещё больше, чем сейчас, выводить своё производство за границу, будет всё более ощущать себя изолированным в АТР. Но главное – Япония будет терять американский рынок.

В-третьих, главное «препятствие» к присоединению к ТТП – сельское хозяйство – находится в упадническом состоянии и в любом случае, должно решительно модернизироваться – укрупнять фермерские хозяйства, внедрять передовые методы агротехники и менеджмента, повышать производительность труда и уменьшать себестоимость производимой продукции.

Крестьянское население в Японии насчитывает 2,6 млн. человек и сокращается быстрыми темпами, в том числе за счёт старения – средний возраст крестьян 66 лет. В сельском хозяйстве производится менее 1,5% ВВП. Однако в связи с особенностями избирательной системы по «весомости» голоса сельских жителей оказываются адекватны, а нередко и более значимы, чем голоса городских жителей. Потому многие политики своим избранием в парламент и другие выборные органы обязаны голосам сельских жителей. Кроме того, в сознании японцев глубоко укоренилось мнение, что «на всякий случай» следу-

ет иметь собственное производство продовольствия, особенно риса, который по качеству лучше иностранного.

Не удивительно, что Япония в принципе не поддерживает принцип свободной торговли применительно к сельскохозяйственной продукции и сохраняет высокие тарифы, например, на импорт риса – 778%, на бобовые – 403%, на пшеницу – 252%. В настоящее время Япония импортирует беспошлинно только 16% сельскохозяйственных товаров. Японские фермеры и владельцы земли получают от государства щедрые субсидии.

Японские экономические ведомства и организации в принципе не против «экономического партнёрства», т.е. соглашений о свободной торговле, но с серьёзными изъятиями. Так, Австралия, которая поставляет Японии 60% потребляемого угля и железной руды, а также 30% урана, добивается того, чтобы японское правительство сняло тарифные ограничения на поставки на японский рынок австралийского мяса, зерна, сахара, молочных продуктов. Однако Токио не идёт на уступки, полагая, что японские сельхозпроизводители конкуренции не выдержат.

Вашингтон использовал «тяжёлую артиллерию» с тем, чтобы побудить Токио изменить свою позицию. Генри Киссинджер, выступая 14 ноября 2011 г. в Японии, подчеркнул необходимость для Вашингтона и Токио действовать сообща с тем, чтобы «сдерживать растущую самоуверенность Китая, и ради этого Япония должна пожертвовать своими сельскохозяйственными интересами» [6, 19.11.2011].

С тем чтобы успокоить противников подключения Японии к ТТП, премьер-министр С. Абэ выступил с обещанием на переговорах по условиям вступления в эту структуру защитить наиболее уязвимое сельскохозяйственное производство [6, 12.04.2012]. Даются и заверения в том, что Япония выйдет из переговорного процесса по условиям вступления в ТТП, если эти условия не будут отвечать японским интересам.

Однако подобные заверения звучат для многих представителей японской политической и деловой элиты малоубедительно, особенно на фоне требований, выдвигаемых в Вашингтоне, прежде всего в Конгрессе, который должен одобрить начало переговоров США с Японией по подключению к ТТП, о том, что ещё до запуска переговорного процесса Токио должен «продемонстрировать готовность снять тарифные ограничения в трех сферах – автомобилестроение, страхование, животноводство» [6, 22.03.2012].

В итоге Токио находится в весьма сложной ситуации. С одной стороны, уменьшается экономическая, а вслед за этим и политическая роль Японии в АТР, что особо заметно на фоне экономического усиления Китая. Очевидно, что невозможно избежать определения стратегического курса на восстановление или хотя бы удержание своих экономических позиций с учётом новых тенденций в АТР. С другой стороны, предстоит нелёгкий выбор – какую структуру региональной экономической интеграции поддержать – «американоцентричную» или «китаеццентричную». Участие в какой из этих двух структур будет в наибольшей степени отвечать японским национальным интересам?

На данном этапе Япония пытается «усидеть на двух стульях». С одной стороны, Япония объявила о готовности вступить в переговоры по условиям присоединения к ТТП. С другой – заявляется о намерениях ускорить движе-

ние в направлении создания режима свободной торговли в рамках АСЕАН +3 и АСЕАН +6.

28 апреля 2012 г. Япония и страны АСЕАН договорились вести переговоры об экономическом партнёрстве в рамках АСЕАН +6. В марте 2010 г. вступило в силу соглашение о создании общего резервного фонда стран АСЕАН, Японии, Китая и Республики Корея. Суммарный объём вклада составил 120 млрд. долл. Из них Япония и Китай внесли по 32%, Республика Корея – 16%. В апреле 2011 г. в Сингапуре была учреждена Организация макроэкономических исследований АСЕАН +3, и было согласовано, что первым секретарём станет представитель КНР, вторым – представитель Японии. Таким образом, фактически было положено начало процессу создания «Азиатского МВФ». Летом того же года Япония, Китай и Республика Корея приняли решение начать переговоры о создании тройственной зоны свободной торговли.

Всё более конкретно обсуждаются идеи создания в качестве зоны свободной торговли Восточноазиатской зоны свободной торговли (EAFTA), включающей страны АСЕАН, Японию, Китай и Республику Корея, либо общее экономическое партнёрство в Восточной Азии (СЕРЕА), в которое, наряду с вышеперечисленными странами, вошли бы Австралия, Новая Зеландия и Индия. В целом эти структуры имеют своим ядром страны АСЕАН, т.е. все те же формулы – АСЕАН +3, АСЕАН +6.

Как полагает сторонник этой идеи Каваи Масахиро, Япония таким образом сможет играть роль «моста» между двумя группировками, поскольку она является единственной крупной экономической державой, которая будет участвовать в этих двух формированиях [6, 19.11.2011].

Японский Исследовательский институт экономики, торговли и промышленности подсчитал, что вступление Японии в ТТП увеличит ВВП на 0,54% в течение 10 лет, а присоединение к АСЕАН +6, куда войдут огромные рынки Китая, Индии, Индонезии, может увеличить ВВП за тот же период на 1,1%, т.е. вдвое по сравнению с участием в ТТП [1].

На данный момент Япония при определении своей позиции по региональной экономической интеграции пытается балансировать между США, Китаем и асеановскими странами. Очевидно, что Токио будет по возможности оттягивать принятие окончательного решения и затягивать переговорный процесс о подключении к ТТП, подстраховывая себя заключением соглашений о свободной торговле со странами АТР. Вашингтону, в свою очередь, предстоит серьёзно поработать над тем, чтобы убедить страны АТР в том, что их экономическим интересам в большей степени отвечает американская концепция ТТП, нежели китайский подход.

В то же время китайская концепция региональной интеграции менее амбициозна и предлагает более мягкие условия участия, что привлекательно для средних и малых стран региона. Например, страны – члены АСЕАН стоят за то, чтобы исключить из либерализации сельское хозяйство и сферу услуг. Заявляя о приверженности свободной торговле, они, тем не менее, жёстко отстаивают интересы своих наиболее уязвимых или, напротив, наиболее успешных секторов экономики.

Асеановцы осознают, что появление такой структуры, как ТТП, серьёзно ослабит значение уже наработанных механизмов АСЕАН и приведёт к умень-

шению региональной роли этой организации, которую страны ЮВА столь тщательно и долго выстраивали.

Экономические позиции России в АТР не настолько значимы, чтобы вопрос определения позиции по подключению в конкретном плане к идущим в регионе многоплановым процессам экономической интеграции стоял в повестке дня. Участвуя в АТЭС, ВАС и АСЕМ, Россия включена в дискуссии по общим вопросам экономической ситуации в регионе и в поиск согласованных подходов к решению наиболее актуальных проблем. Однако принимаемые на этих форумах документы носят главным образом декларативный, необязательный характер.

Так, на саммите АТЭС 1994 г. в Богоре была одобрена идея создания к 2020 г. зоны свободной торговли в зоне Тихого океана. Однако какого-либо продвижения к этой цели не последовало.

Россия весьма робко начинает процесс переговоров по выработке соглашений о свободной торговле. На данный момент в начальной стадии находятся переговоры лишь с двумя странами – Новой Зеландией и Вьетнамом. Этот процесс целесообразно активизировать и расширить за счёт вступления в переговоры с АСЕАН и странами, в неё входящими. Пока же в российских руководящих кругах, да и в научном сообществе отсутствует комплексное, стратегическое видение того, какими должны быть конкретные действия в отношении формирующихся региональных экономических структур.

Выступая перед прессой 6 сентября 2012 г., накануне саммита АТЭС во Владивостоке, министр экономического развития А.Р. Белоусов отметил, что «в перспективе возможно присоединение России к Транстихоокеанскому партнёрству». Однако каких-либо разъяснений, как видится из Москвы такое присоединение, не последовало.

Вместе с тем, уже на нынешнем этапе можно было бы более внимательно присмотреться к создаваемой структуре ТТП и более конкретно определиться с отношением к ней с точки зрения обеспечения российских экономических интересов в АТР.

Список литературы

1. Асахи симбун. 19.01.2011.
2. Женьмин Жибао. 17.11.2011.
3. *Bergsten C. Fred et al. China's Rise: Challenges and Opportunities.* Washington D.C.: Petersen Institute for International Economic, 2008. 256 p.
4. *Eichengreen Barry.* The Global Credit Crisis as History. University of California. Berkeley. December 2008. 12 p.
5. *Frost Ellen L.* America's Role in Engaging with Asia's New Regionalism // In: *America's Role in Asia: Asian and American Views* / Ed. by Michael Armacost, J. Stapleton Roy, Han Sung-Joo, Tommy Koh and C. Roja Mohan. San Francisco: Asia Foundation, 2008. 303 p.
6. Japan Times.
7. *Swaine Michael.* America's Challenge Century. Washington, 2011, 673 p.
8. *Feigenbaum Evan and Manning Robert.* The United States in the New Asia. Council Special Report 50. New York: Council on Foreign Relations Press, 2009. 31 p.